

Николай Бессонов (*Москва, Россия*)

НАРРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ КАК ОДИН ИЗ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ ЦЫГАНОВЕДЕНИЯ

Исторически сложилось, что наше цыгановедение имеет лингвистический уклон. При отсутствии капитальных работ по истории цыганских этногрупп СССР, мы имеем словари пяти диалектов, а также ряд профессиональных статей, посвящённых проблемам языка. Нельзя сказать, что история полностью игнорировалась. Но при обращении к этой теме либо выбирался компилятивный подход с упором на далёкое прошлое зарубежных стран, либо возникала политически безопасная тема фольклора. Отдельным направлением стали работы, посвящённые исходу из Индии (при полном отсутствии как документов так и достоверных сведений о той эпохе). Не отрицая важность всех этих исследований, заметим всё же, что проводились они в ущерб новейшей истории. Научные тексты, затрагивающие жизнь цыган Российской империи и СССР невелики по объёму, фрагментарны, неточны с фактической стороны и политизированы. Поскольку за основу до сих пор берутся не архивные источники, а статьи советского периода, созданные с пропагандистскими целями, объективного подхода добиться не удастся. Более того, возникает впечатление, что российское цыгановедение избегает новых источников. Читая специальную литературу, мы вновь и вновь сталкиваемся с комбинациями давно опубликованных фактов.

Я отнюдь не являюсь противником популяризации. В 2000 году я выпустил в соавторстве Н. Деметер «Историю цыган» (монографию компилятивного плана, используемую ныне как пособие в цыганских классах) [1]. Заполнив эту нишу, я обратился к работе над совершенно новым материалом. Мною было выпущено несколько публикаций о сталинских репрессиях, направленных против цыган [2]. Я вёл полевые работы на стоянках современных кочевых таборов (в частности у венгерских цыган из Закарпатья и мугат из Узбекистана и Таджикистана). Параллельно были написаны исследования по истории отдельных цыганских этногрупп. Кроме того,

мною подготовлена печать документальная книга о цыганах СССР в годы Великой отечественной войны. Все эти проекты были бы недостаточно разработанными, а то и вовсе невозможными без привлечения нарративных источников

* * *

Цыганские информанты зачастую малограмотны, а то и вовсе безграмотны. В связи с этим возникает вопрос: в какой степени можно доверять их рассказам? Без всяких сомнений при анализе нарративных источников необходима крайняя осторожность. Однако, я многократно имел возможность убедиться в том, что сведения, полученные от пожилых людей, бывают очень точны. Несмотря на отсутствие образования, кочевые цыгане эмпирически осваивали две науки: географию и арифметику. Многие из них и по прошествии десятилетий называют место действия, по порядку перечисляя: населённый пункт, район и область той или иной республики СССР. Поскольку устный счёт был необходим для торговли, цыганские дети стремились как можно быстрее усвоить эти навыки. Научившись считать очень рано, они порой запоминали на всю жизнь точные цифры, даты и тому подобное. Приведу конкретные примеры.

В 1933 году была проведена спецоперация по выселению кочевых цыган из окружающих Москву лесов. В результате облав многие таборы были отправлены в Сибирь в так называемые “трудпосёлки ОГПУ”. Мне удалось найти несколько жертв этой акции. В частности, я взял интервью у В. Шаматульского которому в момент задержания было всего шесть лет. Оказалось, мальчик запомнил дату (конец июня 1933 года), а также подсчитал, что цыган было приблизительно пять тысяч. Естественно, я задал Владимиру Викторовичу вопрос, каким образом он оперировал такими большими цифрами в таком малом возрасте. “*Всё очень просто. – ответил мне пожилой цыган, – Я тогда как раз считать научился, и мне было интересно пробовать на разных примерах. Я пересчитал, что в нашем вагоне 35 человек. Потом пробежались с пацанами вдоль поезда. Посчитали, сколько вагонов. Перемножил – оказалось больше девяти сотен человек. А эшелонов было пять*” [3].

Через некоторое время у меня появилась возможность проверить цыганские выводы по документам. В архиве сохранился рапорт от помощника начальника ГУЛАГа Плинера, адресованный зам. председателя ОГПУ Ягоде. Из документа следовало, что операция по выселению цыган действительно началась в конце июня, а точнее 28 числа. Подтвердились данные о числе эшелонов, а общая цифра депортированных оказалась 5470 чело-

век [4]. Таким образом, цыганский мальчик в подсчётах ошибся очень незначительно. Кстати, рассказ В. Шаматульского полностью совпал с рапортом относительно места ссылки и бытовых условий в эшелоне.

* * *

Последние несколько лет я занимался историей нацистского геноцида. Рассказы выживших цыган я проверял, опираясь на материалы Чрезвычайной государственной комиссии (Далее – ЧГК) по расследованию зверств немецко-фашистских оккупантов. У меня была возможность убедиться в точности сведений, полученных в ходе поездок по Украине и России. Так в Волгограде взял интервью у супругов Кучеренко Пётр Иванович и Ольга Тихоновна чудом остались живы во время расстрела, но многие их ближайшие родственники погибли. Трагедия произошла в станице Николаевской Николаевского района, Ростовской области. Цыгане были схвачены незадолго до Рождества, в конце 1942 года. В таборе было примерно поровну *влахов* и *ричаров*. Мужчины выращивали лошадей на продажу; женщины гадали и побирались. Холода переживали, снимая жильё у крестьян. Табор погубил несчастный случай.

“Был у нас цыганок, – рассказывает Пётр Иванович. – Звали его Николай. Молодой – лет двадцати. Вот поехал он за кормом лошадей. Остановил сани возле скирды. Начал грузить и нашёл в соломе пачку листовок. Думал, это просто афишки. Неграмотный же. Взял на курево. На обратной дороге разорвал верёвку, стал вертеть самокрутку. Пачка рядом с ним лежит... Проезжает он через село. Ветер дунул, часть листовок разлетелась, а он и не замечает. Одну бумажку полицай подобрал – и в погоню! Наш цыганок думал, что он за сено ворованное разозлился и давай хлестать лошадь. Так и привёл погоню к табору... Взяли нас всех и повезли в район”.

Ольга Тихоновна, которая в то время была ещё не замужем, рассказывает о периоде под арестом следующее: *“Вот пробыли неделю во дворе. Комендант велел мужчин запереть в пустой почте, а нам разрешил перетянуть подводы на окраину. Поставили мы на снегу шатры. Ждём. Когда комендант велел расстреливать, нас не нашли. Мы в палатках на окраине жили, а одна старуха лет семидесяти догадалась. “Надо, – говорит, – спрятаться”. Женщины ночью перетянули подводы по льду на другой берег и поставили к русским во дворы. Сами с детьми по домам укрылись. Утром немцы хватились – нет никого. А искать уже некогда. Отступление шло”.*

Пётр Кучеренко продолжает: *“Повели расстреливать на бугор – в километре от окраины. Конвой был 12 человек: один полицей, остальные – немцы с автоматами... Мама со мной решила остаться...”*

Всё уже ясно. Убьют. Ну, мы с дядей – терять нечего – выбрали момент и прыгнули через забор. Так и так пропадать... Вот бежим мы по сугробам, петляем, ушли от погони. Спрятались в сарае. А остальных к яме повели и положили из автоматов”.

Ольга Тихоновна наблюдала те же события из окна через реку: *“Видим издали – вывели мужчин. Две молодые цыганки, Лида и Вера решили, что их в тюрьму уводят; побежали следом. Хотели упротисить, чтобы мужей выпустили. Когда возле ямы начали стрелять, они всё поняли и побежали в поле. Их убили в спину. У одной был ребёнок на руках. Застрелили и его”.*

Супруги Кучеренко называли имена части жертв. Им запомнилось, что погибло 24 человека [5].

Итак, зная от цыган место массовой казни, я заказал из хранилища папку по Николаевскому району Ростовской области. Поиск увенчался успехом. В фонде ЧГК хранятся две бумаги, подтверждающие слова супругов Кучеренко. Прочитую один из этих документов – Акт № 1014: *“В декабре 1942 года немецкими извергами у группы цыган была обнаружена советская листовка – цыгане были арестованы, подверглись пыткам и 3 января 1943 года были расстреляны в количестве 38 человек, из них 3 женщины, 5 подростков и 1 ребёнок 6 месяцев”* [6].

Итак, благодаря этой архивной находке у нас появилась возможность перепроверить устную информацию. Сравнивая акты шестидесятилетней давности и современный цыганский рассказ, мы видим следующее

– Совпадает информация о листовке, послужившей предлогом к расправе.

– Станица и район, названы верно.

– Даты тоже совпадают. Муж и жена Кучеренко говорят об аресте под Рождество и расстреле неделю спустя. В документах то же самое: арест в декабре 1942 года, а казнь 3 января 1943 года.

– Три женщины и грудной ребёнок фигурируют среди жертв и в рассказе и в бумагах.

– Однако, общее число погибших у пожилой *влашской* четы занижено. Цыганские старики называют сейчас 24 человека, а колхозная комиссия написала о 38-ми. По всей видимости, супруги Кучеренко

хорошо запомнили число погибших родственников-*влахов*, а *ричары* были для них чужаками, поэтому полвека спустя некоторые лица стёрлись из их памяти.

А теперь давайте посмотрим на ситуацию с другой стороны. Представим, что мы бы располагали только архивными документами. В этом случае наши представления о событиях в станице Николаевской были бы гораздо беднее. Разве можно было бы понять, как у неграмотных цыган оказалась листовка? Навсегда осталось бы загадкой, почему среди погибших так непропорционально мало женщин и детей. Наконец, из документов невозможно выяснить, о кочевых или оседлых цыганах идёт речь; тем более акты ничего не говорят об этническом составе табора и именах погибших.

Здесь рассказ супругов Кучеренко дан в сокращении, но после выхода книги можно будет ознакомиться с подробностями, в том числе и с именами ряда жертв.

* * *

Цыганский активист Павел Лиманский переслал мне видео-кассету с интервью, записанными им в 2004 году. Пожилая цыганка Александра Григорьевна Мусиенко поведала следующее *“Во время войны мы жили в селе Шилякино Воронежской области. Сидели, прятались 12 дней, не выходили из погребов – голодные, холодные. Немцы стояли у нас на дворе. Дядьку моего родного расстреляли – четверо детей сиротами остались. А всего 18 наших цыган там в землю закопали”* [7].

Я провел архивные поиски, надеясь перепроверить эту информацию. Рассказ оказался правдивым. Действительно, с приближением линии фронта жители села Шилякино Ладомирского района скрывались от обстрелов под землёй. 10 января 1943 года село было освобождено красноармейцами, но два дня спустя его вновь захватили превосходящие силы немцев и итальянцев. Ночью оккупанты начали карательную акцию. Как повествует протокол: *“Жители попрятались в погреба. Из погребов немцы выгнали всех жителей, отделили мужчин от женщин, женщин отвели дальше, а мужчин всех расстреляли”* [8]. Тогда погибло 90 человек, в основном молодёжь [9].

Данный трагический эпизод войны показывает, насколько важно сочетание нарративных и архивных источников. Документ ЧГК подтверждает факт расстрела и даёт нам точную дату. Но в нём нет ни слова о национальной принадлежности жертв. Другими словами, если бы мы не имели современного цыганского интервью, то никогда не смогли бы определить по официальному протоколу что из девяноста мужчин, погибших 10 января 1943 года, восемнадцать были цыганами.

Традиционно национальные активисты уделяют большое внимание в своих публикациях массовому расстрелу в деревне Александровка под Смоленском. Объясняется это, в частности, тем, что имеется очень подробное следственное дело [10], протоколы которого частично опубликованы. К сожалению, в статьях цыганских газет и журналов данный документ сопровождается неправдоподобными легендами, искажающими реальность [11]. Это лишний раз показывает, что вопрос увековечения памяти жертв нельзя оставлять в распоряжении исключительно цыганских активистов. Требуется предварительная работа историков, способных профессионально сопоставить документы военного времени и рассказы очевидцев. К счастью, в данном случае истину можно очистить от современных наслоений. Воспоминания очевидцев были частично записаны в начале 1990-х годов А. Анфиимовой и историком-краеведом Л. Котовым, а в 2004 году мне удалось пополнить этот материал во время поездки в Александровку. Здесь нет возможности повторять объёмный текст готовящейся книги. Замечу лишь, что нарративные источники дают ответ на ряд вопросов, которые даже не ставились во время расследования.

Дело о событиях в деревне Александровка, составляет 45 листов. Старший лейтенант госбезопасности Филиппов из Особой инспекции ОК УНКВД Смоленской области подошёл к своим обязанностям очень ответственно и зафиксировал как показания русских соседей, так и рассказы выживших цыган. Тем не менее, в силу ряда причин, многие свидетели не были откровенны с работником НКВД. В частности, никто не обмолвился, что Лидия Крылова была отпущена от расстрельной ямы благодаря заступничеству немецкого офицера. Показания такого рода могли бы создать серьёзные проблемы для спасшейся цыганки. Только долгие годы спустя сёстры Крыловы и их односельчане рассказали правду о том, что утаили во время расследования в 1943 году.

Благодаря комплексному рассмотрению нарративных и архивных источников мне удалось прояснить ситуацию с расстрельными списками, составленными накануне казни. Стало, наконец, ясно, каким образом удалось спастись двум десяткам цыган (хотя деревня была оцеплена). Удалось отсеять легенды беллетристического характера, сочинённые цыганскими активистами “для нагнетания драматизма”. На мой взгляд, гибель 176 чел. (включая грудных детей) сама по себе является страшной трагедией. Домыслы, будто “из под земли целую неделю были слышны стоны”, находятся за пределами возможного и являются абсолютно лишними, так как дают читателям повод усомниться в достоверности описываемых событий.

Хочу подчеркнуть, что по моему опыту особой точностью отличаются воспоминания пожилых очевидцев. Они обычно хорошо согласуются с документами. Проблемы начинаются в тот момент, когда об акциях геноцида начинают писать современные цыгане, которые опираются не на воспоминания стариков, а на приукрашенную версию их внуков. Не обладая специальным образованием, активисты не способны отличить правду от фольклоризированной версии. Именно здесь требуется работа профессиональных цыгановедов.

400 страниц в подготовленной мною монографии посвящены нацистскому геноциду. В научный оборот будут введены сотни ранее неизвестных документов из архива ЧГК. В короткий срок мне удалось установить места захоронений как минимум 10 тысяч цыган. Это треть от предполагаемого общего числа жертв. Полагаю, коллегам ясно, что архивы Чрезвычайной комиссии состоят из папок, составленных по географическому принципу. Обнаружить данные о цыганах возможно только просматривая дело за делом. Историк, далёкому от национальной среды, понадобилось бы десять – двадцать лет на постепенные поиски. Однако, работа в архиве была начата мною уже после того, как были проведены интервью с пожилыми цыганами из ряда республик бывшего СССР. Мне уже были известны места массовых расстрелов, и я заранее знал, какие папки следует заказывать из хранилища. В большинстве случаев народная память находила документальное подтверждение. Другими словами, эффективность работы в архиве была у меня на порядок выше благодаря предварительной работе с нарративными источниками.

Имеются, впрочем, события, которые подтвердить протоколами ЧГК невозможно. Самый яркий пример – киевский Бабий Яр. Преступления оккупантов в этом месте были настолько грандиозными, что в документах ЧГК цыгане были упущены (как малочисленный разряд жертв). Конечно же, на фоне таких категорий, как “евреи”, “украинцы” или “военнопленные” несколько отрядов остались не замечены. Только благодаря поездке в Киев и общению с цыганскими семьями мне удалось установить имена некоторых жертв.

Важным подспорьем стала информация из национальной среды и при описании массовых казней в Чернигове. О том, что цыгане были в числе расстрелянных, документы упоминают. Однако, по фамильные списки были составлены без графы “национальность”. Более того, комиссия сумела восстановить только 720 фамилий [12], в то время как в массовых захоронениях было обнаружено 45 тысяч тел [13]. При формальном подходе

задача по выделению цыганских семей из сохранившихся списков была бы неразрешимой. Помогла переписка с черниговскими цыганами, которые назвали известные им имена погибших родственников. В результате мне удалось доказательно установить, что в Чернигове немцы расстреляли 50 цыган из семьи Козимиренко, 34 из семьи Сулима, 7 Ануфриевых, 7 Горбуновых, 13 Белецких, 3-х Василенко и 5 Матусевичей [14].

Подводя итоги своей работы над темой геноцида, ещё раз подчеркну, что цыганские воспоминания при внимательном анализе и критическом подходе являются незаменимым подспорьем в работе.

* * *

Ещё один пример точности исторических сведений даёт этническая группа *кишинёвцев*. По происхождению это молдавские цыгане, однако, в отдельную общность они сформировались после перекочёвки на территорию Украины и России. В конце XIX века произошло разделение на украинских *кишинёвцев (тавриякэ)* и донских *кишинёвцев* (то есть российских). В литературе по цыгановедению данная группа игнорировалась, и главной причиной умолчаний было отсутствие письменных источников. Желая восполнить данный пробел, я подготовил к печати исследование “История цыган-кишинёвцев”. Подчеркну, что реконструировать миграции и основные события удалось только благодаря устной традиции. Если у русских цыган семейные воспоминания редко заходят далее деда, то у *кишинёвцев* по сию пору встречаются знатоки прошлого, упоминающие события 1820 года. Опираясь на этих хранителей родовой памяти, удалось воссоздать генеалогии старинных родов (*туркулешти, боулеште*) начиная с названной выше даты. Несмотря на полуторазековую давность, о персонажах этих генеалогий сохранились семейные легенды, достоверность которых не вызывает сомнений. Хотелось бы именно здесь мотивировать причины своего доверия к *кишинёвским* нарративным источникам. Приведу рассказ, который циркулирует в национальной среде в канонизированной форме.

Карабет был крепостным под Тирасполем, но ещё до отмены крепостного права получил вольную, сумев чем-то сильно угодить хозяину. Из Молдавии Карабет вышел не бедным, в новых местах стал ещё богаче. Совершал с купцами коммерческие сделки. К палаткам своего табора он подъезжал в фаэтоне с кожаным салоном, которым правил кучер, и не выходил до тех пор, пока ему не постелят под чёрные лаковые сапоги ковёр или дорожку. Приехавшего полагалось встречать фразой: “Баи булубаи баде ласкоре де Карабет” [15].

Итак, *кишинёвцы* помнят о том, что их предки были крепостными и связывают начало миграции на украинские земли с освободительной реформой 1861 года. Более того, мы можем установить, что в те времена у них существовал институт вожаков, подобный тому, который сохранился у *кэлдэраров* до наших дней. Это далеко не очевидный факт. Весь XX век *кишинёвцы* прожили без вожаков, придерживаясь принципа полной независимости каждого главы семьи. Конфликтные ситуации разрешались на общем собрании, именуемом молдавским словом “*жюдеката*” (суд). Уважаемые пожилые цыгане, которым доверяли разбор дела, опирались на неписанные законы и не были в повседневной жизни вожаками. Сделав этот комментарий, вернёмся к рассказу о Карабете, который описывается именно как вожак, похожий на “цыганского барона”. Здесь наибольший интерес представляет фраза на “старокишинёвском” диалекте. Когда я интересовался, понимают ли мои информанты её смысл, они отвечали: “Нет. Точно перевести нельзя. Но именно об этих словах рассказывали наши деды”. Между тем, из литературы о молдавских цыганах известно, что во времена крепостной зависимости кочевые таборы управлялись так называемыми “булибашами”. Вожак-булибаша был связующим звеном между цыганами и их владельцем. Он доводил до табора приказы официального хозяина и собирал ежегодную дань [16]. Само же слово – молдавское (вероятно турецкого происхождения) [17]. Таким образом, устная традиция *кишинёвцев* позволяет судить, что Карабет был вожаком именно такого типа. Значение слова “булубаш” никому сейчас не известно и воспроизводится оно как ритуальная формула приветствия с непонятным смыслом.

Переходя к обобщениям, следует отметить, что нарративные источники являются незаменимым инструментом для исследования малочисленных этногрупп. История русских цыган, *сэрвов* и *кэлдэраров* отражена в книгах, газетных публикациях и архивных документах. В силу ряда причин принадлежность к конкретной цыганской этногруппе здесь фиксировалась (если не прямо, то косвенно). Русские цыгане описаны в литературе хотя бы благодаря искусству знаменитых хоров. А если в документах 1930-х годов встречается фраза “артель цыган-сербов”, можно сделать уверенное заключение, что речь идёт о лудильщиках-*кэлдэрарах* из *нэци* “сербия”. Однако же, нет, и не может быть такой же определённости применительно к *кишинёвцам, плашунам* и *ричарам*. Данные этногруппы малочисленны и специфика их занятий не способствовала публикациям. В значительной степени сказанное распространяется и на *ловарей*. Нет сомнений, что документы (как минимум судебные), относящиеся к этим общностям существуют. Но найти

и идентифицировать их можно, только если заранее узнать от цыган время, место фамилии и прочую ориентировочную информацию.

Подчеркну, что “малочисленные” вовсе не означает “неинтересные”. У каждой цыганской этногруппы был неповторимый социальный опыт, связанный со способом заработка и моделью отношений с коренным населением. Остаётся только пожалеть, что российские исследователи мало используют самый перспективный путь поисков.

* * *

За последние годы я пришёл к выводу, что следовало бы сосредоточить усилия на публикации цыганских мемуаров. За рубежом, в частности в Австрии и в Англии, такая работа была успешно проведена [18]. У нас же намечалось серьёзное отставание. Именно сейчас уходит из жизни последнее поколение свидетелей цыганской предвоенной истории. Мы фактически упустили 1920-е годы. Удалось собрать некоторые воспоминания о колхозном движении, сталинских депортациях, гитлеровском геноциде. Вряд ли этот корпус информации сильно увеличится в будущем. При том безразличии к жизненному опыту пожилых цыган, которое господствует в научном мире, участники и очевидцы событий не будут выслушаны до самой смерти. В сущности, у цыгановедения остался последний шанс достойно описать традиционный образ жизни. Ещё не поздно зафиксировать воспоминания “последнего кочевого поколения”. Я уверен, что наши последователи будут недоумевать по поводу организации нашей работы. Разумно ли публиковать очередные компиляции или вести дискуссии о событиях тысячелетней давности в то время, как уникальная история середины XX века сознательно обречается на забвение.

В профессиональной среде привычно сетуют на низкую грамотность цыган и на отсутствие в их среде литературной традиции. Между тем, ещё в 1997 году пожилая *кэлдэрарка* О. Деметер-Чарская выпустила книгу мемуаров “Судьба цыганки” (я помогал Ольге Степановне в редактировании этого текста) [19]. Последние годы ознаменовались двумя уникальными публикациями. Украинский цыган Владимир Бамбула опубликовал книгу, основанную на судьбах его родственников в 1930–1990-е годы [20]. По этому же пути пошёл российский *котляр* Олег Николаевич Петрович (Мурша ле Ристаско). Имея лишь начальное образование, он сделал то, на что не нашли времени дипломированные этнологи. Книга о *котлярском* таборе *сапоррони* сохранил практически всю устную информацию данной общины за период с 1900 года по наши дни [21]. Публикация Петровича обречена

на подробное цитирование и комментирование в специальной литературе, поскольку раскрывает *кэлдэрарскую* этнопсихологию с поразительной откровенностью.

К сожалению, книги О. Деметер-Чарской, В. Бамбулы и О. Петровича, это именно исключения из правил. Они в первую очередь показывают нам упущенные возможности. Следует находить в национальной среде людей с богатым жизненным опытом и оказывать им техническую поддержку в публикации воспоминаний. Исходя из этих задач, я сейчас готовлю к печати воспоминания Анны Орловской и Ивана Корсуна. Поскольку мой опыт может представлять методологический интерес, считаю нужным описать данные проекты подробнее.

И. С. Корсун (1935 – 2007) кочевал по Украине, Белоруссии и России. Его отец был безвинно репрессирован в 1937 г. по политической статье. Иван Корсун занимался торговлей лошадьми, далее поступил учиться в ФЗО, отслужил в армии и отдал несколько десятилетий работе на эстраде. Заинтересовавшись рассказами пожилого цыгана, я убедил его в том, что они заслуживают издания. На начальном этапе я записал со слов И. Корсуна ряд интересных эпизодов. В дальнейшем мы переключились на эпистолярную форму, поскольку Иван Сергеевич жил в Волховстрое, и часто встречаться не было возможности. Несмотря на слабую грамотность, И. Корсун хорошо фиксировал свои воспоминания, придерживаясь разговорной манеры изложения. Свои рукописи он присылал почтой. Анализируя эти тетради, я иногда просил подробнее вспомнить те или иные события, представляющие особый интерес с этнографической точки зрения. К сожалению, смерть Ивана Корсуна прервала работу на заключительном этапе. Сейчас редактирование закончено и в ближайшее время воспоминания выйдут под эгидой Института культурного и природного наследия им. Лихачева.

Второй проект того же плана основан на устных рассказах Анны Антоновны Орловской (1942 г.р.), польской цыганки из табора, кочевавшего в Белоруссии. Следует отметить, что за двести лет своего развития цыгановедение так и не имеет в своём распоряжении ни одной книги, основанной на воспоминаниях кочевой цыганки. Все немногочисленные тексты о жизни в палатках созданы мужчинами. Между тем, у женской половины табора была своя специфика заработка и свой взгляд на окружающий мир. Воспоминания Анны Орловской позволяют хоть немного компенсировать прежний односторонний подход.

Поскольку Анна Антоновна неграмотна, мне пришлось несколько раз ездить в Смоленскую область с видеокамерой. В результате мы записали

интервью на русском и цыганском языке (в общей сложности 12 часов). Так как Орловская пользуется репутацией прекрасной рассказчицы и обладает уникальной памятью, редактирование свелось к хронологическому выстраиванию эпизодов.

Уже в ходе интервью выяснилось, что таборная действительность гораздо шире тех шаблонных представлений, которые господствуют в нашей области знания. К примеру, в литературе не описана ситуация с межнациональными браками. Молчаливо предполагается, что цыгане – замкнутый народ, строго придерживающийся эндогамии, поэтому смешанные брачные союзы возможны только у оседлых семей, подвергшихся некоторой ассимиляции. Ранее я встречал отдельные упоминания о хоровых цыганках, вышедших замуж за представителей русской аристократии, а также сведения о смешанных браках в крестьянских цыганских хозяйствах. Но ни единой строкой не описан вариант, в котором русская девушка вышла бы замуж за кочевого цыгана и стала жить в палатке.

Из воспоминаний Анны Орловской стало ясно, что такая модель брака была распространённой. Девушки из числа коренного населения нередко связывали свою судьбу с табором. Они круто меняли образ жизни: начинали гадать, просить подаяния, в совершенстве осваивали цыганский язык и т. д. В общей сложности Анна Антоновна назвала 10 таких примеров, причём два из них связаны непосредственно историей её семьи (мать рассказчицы – полька, двоюродный брат женился на русской). Обратив внимание на такую распространённость межнациональных браков у польских кочевых цыган, я задался вопросом, не являлось ли это чисто локальным явлением. Мне пришлось провести отдельное исследование, и в ходе дальнейшей полевой работы выяснилось, что точно такая же ситуация наблюдалась во всех этногруппах кроме *котляров* (хотя и у них удалось обнаружить исключение из правила).

Итак, благодаря беседам с бывшими кочевыми цыганами удалось описать не известное ранее массовое явление. Готовящаяся книга построена в виде “воспоминаний с комментариями”. После каждой из четырёх глав, фиксирующих монологи Орловской, я поместил текст, в котором привожу подтверждающие архивные документы, а также близкие по теме интервью с другими пожилыми цыганами. Такая форма позволяет сделать некоторые обобщения. Как уже говорилось, цыгановедение крайне консервативно. В нашей области знаний не принято выходить за рамки ранее известного круга тем. При описании таборной жизни схема предписывает рассмотреть

свадебную и похоронную обрядность, материальную культуру национальную кухню. Это и делалось с разной степенью достоверности. Однако, с самого начала в разделе о воспитании подрастающего поколения был упущен пункт о детских играх. Данная тема привлекла моё внимание после бесед с А. Орловской. В дальнейшем я собрал соответствующие сведения у информантов из числа русских цыган, *влахов*, *кишинёвцев* и *плацунов*.

Приведу ещё один пример влияния нарративных источников на ход моей работы. Анна Орловская вспоминает, что табор польских цыган, в котором она росла, продолжал кочевье и зимой. Если большинство этногрупп в СССР зимовало в крестьянских домах, то “*польска рома*” меняли телеги на сани. Самой удивительной выглядела следующая деталь: всю зиму цыганки из табора Орловской ходили босиком. Этот обычай приносил материальные выгоды, поскольку будил у крестьян жалость и увеличивал подаяние. Анна Антоновна рассказала также о старинной народной методике, позволяющей женщинам и детям не отморозить ноги и избежать простуды. Эти способы были настолько действенными, что не болели даже русские девушки, вышедшие замуж за кочевых цыган (хотя они не имели с детства необходимой закалки).

Форма “воспоминаний с комментариями” позволяет проводить по конкретным вопросам более подробные исследования. Естественно, нельзя было принимать на веру столь неправдоподобную на первый взгляд информацию. Поэтому я провёл специальный поиск в литературе, а также стал вести расспросы во время своих поездок по России и Украине. Для большей объективности я брал интервью как у цыган, так и у представителей коренного населения (которому босые цыганки на снегу не могли не запомниться). В результате выяснилось, что помимо этногруппы “*польска рома*” такой же обычай существовал в некоторых таборах русских цыган (*смоляков*, *валдайцев* и так называемых *бобров*), а также у части *влахов*. Мотив у них тоже был экономическим – то есть присутствовало стремление разжалобить при сборе подаяния. В литературе же никто из коллег не обсуждал данную тему в силу упомянутого выше консерватизма. Между тем, поиск показал, что похожая практика существовала прежде в Румынии, Сербии, Германии, Польше, Армении и ряде других стран, имеющих зимой снежный покров. Окончательно подтвердили правдивость рассказов А. Орловской фотографии, найденные мною в ходе исследования. Эти снимки показывают босых польских цыганок, снятых в зимнее время в середине XX века. Разумеется, я включил эти иллюстрации в готовящуюся книгу.

* * *

Можно и дальше перечислять примеры того, что непосредственный опыт народа отражён в цыгановедении крайне недостаточно. Именно внимание к нарративным источникам позволяет выявить ранее не разработанные направления и значительно обогатить общую картину. Я не призываю строить цыгановедение на записи устных рассказов. Работа с информантами позволяет, прежде всего, установить вектор поисков. Но полагаю, коллеги согласятся со мной в том, что после целенаправленного подключения архивных данных и анализа литературы мы можем дать некую синтетическую картину. Выше я описал, насколько эффективным может быть такой подход. Остаётся только пожалеть, что догматизм подвёл нас к критической черте. Непосредственных носителей кочевого опыта осталось немного, и если не попытаться срочно исправить положение, мы рискуем оставить вместо цыганской истории XX века примитивную схему. Ни для кого не секрет, как узок на постсоветском пространстве круг специалистов. Я призываю коллег вспомнить, что анализ уже существующих источников можно с равным успехом провести сейчас или через сто лет. А фиксация устной традиции – дело безотлагательное. Надежда на то, что работа эта будет сделана кем-то ещё (допустим, цыганским активистами) оказалась беспочвенной. Я не призываю оставить свои исследования. Но если бы все мы уделили 20-30 % своего рабочего времени непосредственной работе в национальной среде, это привело бы к качественному сдвигу в нашем цыгановедении.

Мне приятно напомнить в этом докладе имена авторов, которые записывали цыганские интервью. Вадим Горюнов вёл полевыми работами с крымскими цыганами [22]. Евгения Навроцкая, Аладар Адам и Юлия Зейкан собрали интервью у стариков, переживших Вторую мировую войну [23]. Тот же период исследовала в начале 1990-х Анна Анфимова. Ею были проведены интервью с цыганскими ветеранами и членами их семей в Смоленской области [24]. Сочетает глубокое изучение литературы и работу в таборах Сергей Габбасов, избравший предметом своего исследования среднеазиатских цыган (мугат) [25]. На северо-западе России полевые исследования ведёт Ольга Абраменко [26].

* * *

Своё мнение о важности нарративных источников я хотел бы проиллюстрировать исторической параллелью. Как известно, одновременно существовало рабство негров в Новом свете и рабство цыган в Дунайских

княжествах. Этот бесчеловечный уклад был отменён во второй половине XIX столетия. Никто не будет отрицать, что невольничество в румынских землях было для цыган тяжким испытанием. Однако, мы не имеем ни одного интервью с бывшим цыганом-рабом. Литература на эту тему сводится к статистическим данным и описанию законов. Особенно много места уделяется тому, как румынские власти проводили реформу по отмене рабовладения. Какие-то конкретные эпизоды из жизни цыганских невольников мы находим лишь в мемуарах французских, русских и английских путешественников. Подчеркну, что указанные авторы уделяли место интересующей нас проблеме вскользь. Итак, от драмы, которая длилась 500 лет, осталось не более двадцати описательных и крайне поверхностных отрывков.

В Америке ситуация изначально была иной. Ещё в XIX веке были напечатаны сотни мемуаров бывших рабов. Однако, в 1930-е годы (когда неграм, пережившим рабство, было уже по 70 и более лет) стартовала федеральная программа по записи интервью. В результате буквально в самый последний момент наука получила огромный массив сведений. Ныне 22 тома негритянских воспоминаний доступны новым поколениям исследователей. Вот уже несколько десятилетий по этим материалам защищаются диссертации, выходят научные статьи и т.д. Работа по сбору интервью принесла свои плоды. Серия “American slave” содержит богатейшие сведения о повседневной жизни на плантациях, попытках побегов, афро-американском сленге. Я не говорю уже о чисто демографическом материале и этнопсихологии. Поскольку интервью записывались во всех южных штатах по единому вопросу, имеется даже возможность проследить региональные отличия.

Нетрудно заметить, что мы стоим перед тем же выбором, который в 1930-х годах сделали американские и румынские историки. Последние предпочли самоустраниться от проблемы и навсегда лишили малограмотную цыганскую общину Румынии значительной части её исторического опыта. На данный момент складывается впечатление, что наше цыгановедение выбрало именно этот порочный путь. Хотелось бы, однако, хотя бы частично перенять американский подход (преимущества которого описаны выше).

Я заранее знаю возражения. Коллеги укажут мне на то, что в США под сбор интервью было выделено финансирование, а у нас его нет, и не будет. Но разве имеем мы крепкую государственную поддержку в том, что делаем в настоящий момент? Для успешной работы нам не требуется федеральная программа, достаточно лишь перераспределить своё рабочее время и пра-

вильно ориентировать научную молодёжь. Могу уже сейчас указать на тему, которую можно было бы предложить вниманию студентов интересующихся цыгановедением. Это Указ 1956 года, а точнее его практическая реализация. Никто не будет спорить, что запрет кочевья стал вехой в цыганской истории. Оценки же этого правительственного постановления полярны. Публикации советского периода подчёркивают положительные стороны перехода на оседлость, а современные цыганские авторы называют Указ репрессивным актом. Чтобы не предаваться отвлечённым дискуссиям, было бы желательно собрать воспоминания пожилых цыган. В Болгарии подобную работу провели Е. Марушиакова и В. Попов. Из их публикации [27] видно, что сходный Указ болгарского правительства реализовывался мягко, сопровождался значительной материальной помощью и ныне не вызывает возмущения у непосредственных “жертв”. Те интервью, которые собрал в России я, выдержаны в том же ключе. Однако, выводы желательно делать на обширной базе данных. Такой базой могли бы стать интервью, собранные начинающими цыгановедами.

Задача, поставленная здесь, не требует практически никакой предварительной подготовки. Для того, чтобы узнать, где постановление 1956 года застало конкретный табор и что потом произошло с семьёй собеседника, не нужно знать ни язык, ни цыганские обычаи. Достаточно иметь краткий вопросник, составленный по принципу: число семей в таборе, этническая группа информанта, кто объявил Указ, дали ли жильё, были ли репрессии к нарушителям и т.д. Двести-триста свидетельств, собранных в разных республиках, могли бы составить отдельное издание. А в дальнейшем можно было бы сравнить личные впечатления цыган с отчётами по партийной, советской и милицейской линии, хранящимися в архивах.

Приобретя некоторые навыки общения с цыганами на простейшей теме, молодые исследователи могли бы перейти к более сложным задачам.

* * *

В заключительной части своего доклада я хотел бы поделиться своим личным опытом. Определённый интерес может представлять методика работы. За годы исследований я нашёл для себя ряд приёмов, облегчающих первое знакомство. Конечно, желательно входить в цыганский дом с человеком, которому в данной семье доверяют. В этом случае не придётся тратить час или более на установление контакта. Однако, в моей практике бывали случаи, когда попадал в города и посёлки, где у меня не было знакомых цыган. В таких случаях я шёл на рынок и, определив по внешнему

виду торговцев искомой национальности, вступал с ними в беседу. Разговор я начинал с цыганского приветствия и старался с первых же слов дать понять, что интегрирован в цыганскую среду. Должен сразу же предупредить о трудностях такого метода знакомства. Исходя из житейской мудрости, цыгане подозревают в любом незнакомце журналиста или милицейского оперативника. Даже у меня (несмотря на большой опыт) складывается удачно лишь один разговор из четырёх. Я посоветовал бы молодым коллегам никогда не представляться работниками СМИ или писателями. Предпочтительнее правда (“Я учёный, веду исследование на такую-то тему”). Впрочем, моё положение в этом смысле уникально. Будучи художником по образованию, я честно представляюсь живописцем, создающим цыганскую серию работ – и тут же показываю фото-репродукции со своих картин. Интерес такого рода выглядит в глазах моих случайных собеседников вполне безопасным, что и позволяет постепенно перейти ко второй части разговора.

Я рекомендовал бы коллегам возить с собой фотографии, отражающие предыдущие контакты с цыганами. Мой “рабочий комплект” показывает общение с большинством наших этногрупп, а также моего цыганского зятя, внуков, друзей и т.д. Обычно эти снимки рассматривают с интересом, а попутные комментарии усиливают доверие. В этот момент следует ненавязчиво употреблять слова, не знакомые коренному населению. Моя “стандартная фраза” звучит следующим образом: *“Это мой зять, он по отцу “крым”, а по матери “сэрво”, но рос среди русских цыган и говорит как они”*. Конечно же, мой опыт не подлежит механическому копированию, но свободное владение этнонимами в любом случае необходимо, поскольку убеждает, что вы вошли в цыганские дома. Начиная с историками и этнологами я посоветовал бы сохранять спокойствие и благожелательный настрой даже в случае ответной грубости при попытках знакомства. Никто не обязан доверять совершенно чужим людям, и я могу привести десятки примеров, когда цыганские семьи пострадали, впусив в свой дом предвзятого журналиста. Поэтому не обижайтесь на замкнутость и помните, что труднее всего первый контакт. Если вы сможете наладить взаимопонимание хотя бы с одной семьёй, далее вас будут рекомендовать друзьям или соседям. Лично у меня в последние годы не было ни одной неудачной поездки в незнакомые города. Напротив, были случаи, когда цыгане сразу же приглашали меня на свадьбу или оставляли у себя ночевать (что является признаком доверия к чужому человеку у любого народа).

Если тем или иным способом первый контакт налажен, необходимо расспросить цыган, кто считается в их среде наиболее интересным и серьёз-

ённым собеседником Такowymi обычно называют пожилых людей с большим жизненным опытом и хорошей памятью. К сожалению, далеко не всегда удаётся вызвать на откровенный разговор этих знатоков цыганской истории. Последнее десятилетие ознаменовалось множеством махинаций с компенсациями за нацистский геноцид. Цыгане привыкли думать, что любой их рассказ может при определённых обстоятельствах стать “товаром”. Бывали случаи, когда часть денег, предназначенных старикам, присваивалась национальными активистами или даже родственниками. Зная о таких прецедентах, пожилые цыгане не желают делиться информацией, а особенно своими анкетными данными. Они опасаются, что на их словах “хотят нажиться”. Даже если речь идёт не о временах оккупации, это не всегда устраняет подозрительность. Мысль о том, что рассказанный случай можно “вставить в книгу” и получить миллионные гонорары, неоднократно озвучивалась в моём присутствии.

Нет никаких рецептов, как преодолеть эти возникшие недавно барьеры. Но если пожилой информант всё же поверит в искренность ваших побуждений, я бы не советовал пользоваться на первых порах звукозаписывающей аппаратурой. Диктофон или видеокамера действуют на цыган сковывающе. Поспешность может привести к тому, что интервью прервётся, едва начавшись. Лично я веду записи ручкой, глядя не на бумагу, а на собеседника. По моему опыту при этом можно и переспрашивать, уточняя даты, географические детали или звучание слов на конкретном диалекте. При определённых навыках такая фиксация позволяет довольно точно воспроизвести даже индивидуальную речевую манеру.

Располагая значительным резервом времени, желательно всё же договориться о видеозаписи. При формировании видеоархива следует не только удовлетворять свой исторический или этнографический интерес – но и собрать материал для коллег-лингвистов. Можно попросить информанта сдублировать свой рассказ на цыганском языке. При этом советую предупредить, чтобы он говорил на своём диалекте. Дело в том, что многие цыгане при общении вне пределов своей этногруппы автоматически переходят на русско-цыганский диалект. Делается это как из вежливости, так и для лучшего взаимопонимания.

* * *

Подведём итоги. Самокритично оглядывая свою профессиональную деятельность, мы должны признать, что нами упущены многие возможности. Записи устных рассказов дали бы бесценный материал с лингвистической, исторической и этнографической точки зрения. База, на которой

мы можем основываться, сужается с каждым днём. Фактически у нас осталось всего десять лет для работы с теми людьми, которым в момент Указа было 15-16 лет. Со своей стороны я делаю (и буду делать) всё, чтобы выслушать пожилых цыган. Если мои доводы убедят хотя бы одного из моих коллег внимательнее отнестись к нарративным источникам, я буду считать задачу этого доклада выполненной.

В идеальном случае хотелось бы провести дискуссию о возможности организовать соответствующую работу в плановом порядке. Цыгановедение России и Украины только выиграло бы, если бы мы выработали список наиболее важных тем и распределили имеющиеся научные силы по направлениям.

Источники и литература

1. Бессонов Н., Деметер Н. История цыган – новый взгляд. – Воронеж, 2000. 336 с., Илл.
2. Бессонов Н. Цыгане в России: принудительное оседание. Россия и её регионы в XX веке: территория-расселение-миграция. – М.: ОГИ, 2005. – С. 631–640; Бессонов Николай. Цыгане: годы ссылки и побегов // 30 октября. VI.2002. – М., № 26, С. 10; Бессонов Николай. Убиты за трудолюбие // 30 октября. 2002. – М., № 23, С. 5; Бессонов Николай. Цыгане под сенью рубиновых звёзд // 30 октября 2002. – М., № 22, С. 6–7.
3. Интервью Н. Бессонова с Владимиром Викторовичем Шаматульским (Володей Глодо). Московская обл., Раменский р-н, пос. Железнодорожный 2002 г.
4. ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 19, лист 7.
5. Интервью Н. Бессонова с Петром Ивановичем Кучеренко (1929 г.р.) и Ольгой Тихоновной Кучеренко (1924 г.р.) в посёлке Гумрак на окраине Волгограда, 2004 г.
6. ГАРФ, ф. 7021, оп. 40, д. 775, лист 101.
7. Интервью П. Лиманского с Александрой Григорьевной Мусиенко (1933 г.р.), г. Новшахтинск Ростовской области, 2004 г.
8. ГАРФ, фонд 7021, оп. 22, д. 495, лист 200 (оборот).
9. ГАРФ, фонд 7021, оп. 22, д. 495, лист 204.
10. ГАРФ, ф. 7021, оп. 44, д. 1091.
11. См. напр.: Татьяна Михайлова. Могила ещё несколько дней дышала. // Цыгане России. № 2, М., 2007. С. 44. В данной статье оглашена ложная версия спасения сестёр Крыловых (противоречащая же собственным интервью, зафиксированным в 1943 и 1994 году). Для того, чтобы добавить драматизма, автор публикации уверяет, что вокруг могилы “больше недели стояла охрана, не подпуская туда никого”, поскольку из под земли доносились стоны и земля шевелилась. Между тем, цыгане показали на следствии в 1943 году, что уже вечером

т. е. через несколько часов после расстрела они ходили к закопанным ямам, и никакого оцепления там не было. Естественно, если бы послышались стоны раненых, их попытались бы спасти, не имея к тому никаких препятствий.

12. ГАРФ фонд 7021, оп.78, д.31, л.65 (оборот).

13. ГАРФ фонд 7021, оп.78, д.31, л.59 (оборот).

14. ГАРФ фонд 7021, оп.78, д.31, л.67, 67 (оборот), 69, 69 (оборот), 73, 85.

15. Интервью Н. Бессонова с Ермолаем Емельяновичем Чеботарёвым и Георгием Васильевичем Калашниковым. пос. Быково Раменского района Московской области, 2000 г.

16. *Аким Виорел*. Циганите в историята на Румъния. – София, 2002. – С. 64, 65.

17. *Дрон И. В.* Антропонимия цыган Молдавии. Цыгане. – М., 1999. – С. 41; *Аким Виорел*. Циганите в историята на Румъния. – София, 2002. – С. 68.

18. *Boswell Silvester Gordon*. The Book of Boswell. Autobiography of a Gypsy / Ed. by John Seymour. – London: Penguin Book, 1970; *Stojka Ceija*. Wir leben im Verborgenen. Erinnerungen einer Rom-Zigeunerin. – Wien: Picus, 1988; *Stojka Ceija*. Reisingen auf dieser Welt. Aus dem Leben einer Rom-Zigeunerin. – Wien: Picus, 1992; *Stojka Karl*. Ein Kind in Birkenau. – Eigenverlag, 1990; *Stojka Karl*. Auf der ganzen Welt zu Hause. Das Leben und Wandern des Zigeuners Karl Stojka. – Wien: Picus, 1994; *Stojka Mongo*. Papierende Kinder. Glueck, Zerstoerung und Neubeginn einer Roma Familie in Oesterreich. – Wien: Molden, 2000; *Nikolic Miso* "...und dann zogen wir weiter. Lebenslinien einer Roma-Familie. – Klagenfurt: Drava, 2002; К данным изданиям примыкает книга, написанная не-цыганом, интегрированным в кочевой табор *ловарей* в 1930-е годы – Yoors Jan. The Gypsies. – NY. 1983.

19. *Деметер-Чарская Ольга*. Судьба цыганки. – М., 1997; переиздания: *Деметер-Чарская Ольга*. Судьба цыганки. – М., 2003; *Demeter-Charskaya Ol'ga*. Amargo trayo ande Russiya. – М., 1998.

20. *Бамбула Володимир*. Циганська доля - що вітер в полі. Нерідні діти світу. – Переяслав-Хм., 2005.

21. *Петрович О. Н.* Барон табора "сапоронни". – Тверь, 2006.

22. *Торопов В. Г.* История и фольклор крымских цыган. – М., 2004. – 88 с.; *Торопов В. Г.* Словарь языка крымских цыган. – М., 2003. – 72 с.

23. *Адам Аладар, Зейкан Юлія, Навроцька Євгенія*. Білий камінь з чорної катівні. Голокостромів Закарпаття. – Ужгород 2006. – 146 с.: илл.

24. *Анфимова Анна*. Геноцид цыган в Смоленской области в годы нацистской оккупации // Тум-балалайка. №15-16. – СПб., 2000. – С. 10–12.

25. На данный момент с текстами Сергея Габбасова можно ознакомиться на сайте "Габбасов-этно" (<http://www.centra-asia.narod.ru>), а также частично на сайте "Цыгане России" (<http://zigane.pp.ru/history61.htm>).

26. *Абраменко О. А.* Очерки истории культуры цыган Северо-Запада России (русско и лотфитка рома). – СПб., 2006; *Абраменко О. А.* Свадебная обрядность цыган Северо-Запада России // Живая старина: журнал о русском фольклоре и традиционной культуре № 2 (54), 2007.

27. *Марушиакова Е., Попов В.* Преходът от чергарстване към усядане (по материали на устна история на ромии в Южна Добруджа). Христоматия по ромска култура – София, 2004. – С. 9–22.

Условные обозначения:

ГАРФ – Государственный Архив Российской Федерации
трудпосёлки ОГПУ – трудпосёлки Объединённого Государственного Политического Управления

ГУЛАГ – Государственное Управление Лагерьей

ОК УНКВД – Окружной Комитет Управления Наркомата Внутренних Дел

ФЗО – Фабрично-Заводское Обучение

Бессонов Микола. Наративні джерела як один із інформаційних ресурсів циганознавства

В статті розглянуто методи аналізу наративних джерел, верифікації даних інтерв'ю за даними архівних джерел і можливість їх комплексного застосування. Автор вказує на особливу точність спогадів очевидців похилого віку та збереженість в родовій пам'яті генеалогії старовинних циганських родів. Описано джерелознавчий потенціал циганських меморатів – інформації щодо циганської передвоєнної історії і спогадів "останнього кочового покоління", розглянуто доцільність їх видання у формі "спогади з коментарями". Наголошено на потребі фіксації циганознавцями свідчень циган похилого віку під час польових експедицій. Окреслено специфіку застосування роботи з циганами-інформантами методів інтерв'ювання для збору історичних, етнографічних, лінгвістичних відомостей і доцільність організації планової фіксації усних свідчень.

Бессонов Николай. Нарративные источники – один из информационных ресурсов цыгановедения

В статье рассмотрены методы анализа нарративных источников верификации данных интервью по архивным источникам, возможность их комплексного применения. Автор акцентирует внимание на особенной точности воспоминаний ромов преклонного возраста. Генеалогия старинных ромских родов хорошо сохранилась. Исследован источниковедческий потенциал "меморатов" – информации о цыганской довоенной истории и воспоминаний "последнего кочового поколения". Рассмотрена целесообразность их издания в форме "воспоминания с комментариями". Акцентировано внимание на необходимости фиксации исследователями во время полевых экспедиций устных свидетельств ромов преклонного возраста. Также рассмотрена специфика применения в работе с ромами-информантами методов интервьюирования для сбора исторической этнографической лингвистической информации, целесообразность организации плановой фиксации устных свидетельств.

Bessonov Nikolay. Narrative sources as a one of information resources for the Roma studies

Methods of narrative sources analysis, verification of interview data according to archive sources data and possibility of their complex combination is considered in the article. The author specifies particular accuracy of elderly eyewitnesses' recollections and preservation of ancient Romani generations' genealogy in the peoples' family memory. The author described source potential of Romani *memoratives* - information about Roma pre-war history and memoirs of the "last nomadic generation" and considered appropriateness of publishing them in the form of "memories and commentaries". Special attention must be paid to the importance of fixing elderly Romanies' recollections during the Romani studies field researches. The author describes specifics of interviewing methods when dealing with Romani informers for collecting historic, ethnographical, linguistic data and analyses suitability of arranging planned fixation of oral witnessings.